

Александр Мартовский

Армейский цикл

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.6
ББК 84-4
М29

М29 **Мартовский А.**
Армейский цикл: Том 2 / Александр Мартовский – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2013. – 318 с.

ISBN 978-5-458-54255-5

Продолжение правдивых и наиболее скандальных историй Александра Мартовского. Для тех, кто за профессиональную армию и свободное от воинской повинности государство.

ISBN 978-5-458-54255-5

© Lennex Corp, 2013
© А. Мартовский, 2013

АЛЕКСАНДР МАРТОВСКИЙ

АРМЕЙСКИЙ ЦИКЛ

ТОМ 2

«Я посвятил жизнь армии, не потому что мне чертовски понравилась армия. Просто в далеком-далеком детстве меня покатали на танке»

Александр Мартовский. Из неопубликованного.

ДВА ПУТЕШЕСТВИЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Сан Саныч Бибилов, слегка моложавый, слегка симпатичный и обаятельный инженер выгрузился на Ленинградском вокзале в Москве вместе с потасканным чемоданом и точно такой же потасканной рожей. Было не так чтобы сухо, не так чтобы жарко, скорее мокро и холодно. Скользкий воздух ударил в очки, отчего поморщился Бибилов. Этот же воздух прошелся по щетке волос, дальше на узкие плечи, на куртку из чистой боньи, на брюки из чистого хлопка и несколько ниже, отчего осклабилась Бибилов. Хилое тельце покрылось испариной где-то в районе носков и ботинок. Стояла поздняя осень.

- Э-хе-хе...

Бибилов медленно одолел стометровку, отделяющую грязный вагон от точно такой же зловонной, можно добавить, грязной конюшни с тенденциозным названием «Зал ожидания». Еще медленнее Бибилов примостился у кассы, как говорится, прилип на холодной, на скользкой ступеньке. Дальше идти было некуда. Город еще отдыхал. Союз бибиловского заада, командировочного предписания и архисекретной справки с пресловутой ступенькой казался наиболее предпочтительным на фоне недееспособного города.

Бибилов вытер платочком очки. В голове промелькнули первые мысли:

- Все мы куда-то перемещаемся. Звезды перемещаются, Солнце перемещается, даже крохотная Луна опять же перемещается. Непостижимо перемещение элементов в пространстве

в тот самый момент, когда самое время решило остановиться, опять же подумать, зачем мы перемещаемся.

Бибиков шумно вздохнул, принимая позу философа. На следующие десять минут мысли ушли в сторону, где долго сосредотачивались на кошечках и собачках, пока не вернулись обратно:

- Мы допускаем ошибку, называя перемещением жизнь. Здесь скорее разбалансировка тела и разума, когда тело находится в совершенно иной ипостаси, нежели разум. Больше того, ипостась рассекается временем на неравные половины, где уходят по разные стороны разум и тело, теряют друг друга, теряют взаимную связь, теряют взаимное целое, ибо становятся только обрывками «нечто».

Бибиков снова вздохнул. Что-то ему не понравились. Инженер обязан выражать свои мысли более целенаправленно, то есть по существу. А тут не совсем, чтобы «по существу». Есть такая зацепка, что не без греха Бибиков:

- Вот если бы остановиться и больше не двигаться? Абсолютный покой, абсолютное торможение вместо бессмысленного перемещения. Я повторяю, просто остановиться, чтобы увидеть со стороны все свои действия. Остановиться единственный раз, умереть на единственный миг, чтобы понять для чего оно надо.

Бибиков плюнул в сердцах. Две росинки упали с промокших очков. Две росинки скатились на плечи, покрытые перхотью.

Сутки назад симпатичный и обаятельный инженер чувствовал связь между телом и разумом. Такое случается не на каждом углу, не каждый день, разве что после обеда. Однако случается. Ты проснулся не по будильнику, а потому что спать надоело. Ты вышел на улицу заблаговременно, как учили еще в институте. Ты поймал себя на дурацкой, на совершенно бессмысленной песенке. И дождик тебя не помыл, и птичка тебя не обделала. Короче, стопроцентная уверенность в сегодняш-

нем дне и немного, процентов на девяносто, осталось от той же уверенности на завтра.

- Лучше на послезавтра, - как говорит Бибиков.

Достойный товарищ, черт подери! Можно доказать на пальцах, насколько достойный товарищ Бибиков. После института воинская часть. Никакой научной работы, аспирантуры и кафедры. Сие для халявщиков, для недостойных товарищей. Но не таков Бибиков. За сегодняшний день необходимо расплачиваться, тем более за день завтрашний и то самое мифическое послезавтра, до которого вовсе не доживешь. Теперь понимаете, Бибиков честно расплачивается.

Нет, ничего личного. Нет топтанию на кэпэпэ за пятнадцать минут до звонка по примеру больных ветеранов и сплетников. Никакой штурмовщины в стиле «несознательная молодежь», когда на последней секунде берешь эту крепость. Ты появился между теми и этими товарищами: величавый, спокойный, бесстрастный. Есть еще время почистить ботинки или перекинуться парой словечек с дежурным о предстоящем футбольном матче. Без грубостей:

- Ваше поведение осудит страна.

Это от парня, с которым вчера только резались в мяч:

- Враги торжествуют.

За четыре сезона служения нашей великой стране или лучшему в мире отечеству Бибиков кое-чему научился у той же страны, кое-чего оторвал от отечества. Сами понимаете, очень достойный товарищ, очень порядочный. Такого товарища не запугаешь партийной критикой. Такого товарища не заставить содрогаться при виде неотвратимого возмездия для предателей и негодяев. Бибиков и возмездие вещи несовместимые. Бибикову не нужна палка или хороший пинок, чтобы идти по пути коммунизма. Его поступки всегда отличались глубокой сознательностью. Его бумаги покрыты ослепительной белизной. Его политические воззрения лишены пятен. Его отношение к трудовой дисциплине послужило притчею во языцех.

Послушаем замполита:

- До чего мы дошли! У нас стопроцентный заслон активной позиции строителя коммунизма и полное недоверие к общественной деятельности. Ничего не делается просто так, ничего святого. Одни деньги.

Примерно о том же комсорг:

- Жидеют наши ряды, пополняется очередь в будках за пивом. Никакого развития всесторонне развитых личностей, настоящих борцов коммунизма. Ни одного порыва чистой, пропитанной комсомолом души. Только деньги.

Сюда же спортивный организатор:

- На беговую дорожку теперь загоняешь пинками. Если бы так же ломились некоторые товарищи на беговую дорожку, как в тот же ларек, то во всех отношениях мы - непобедимая армия. Нужны деньги.

Далее троица объявляла «Позор!» обнаглевшей, зажавшейся молодежи, навешивала кучу люлей вышеозначенной сволочи и подрубала подгнившие корни такому гнилому явлению. Все происходило в духе коммунистической морали, так что не подкопаешься. Дабы не развивалась подобная мразь, не поганила и не пакостила святые законы русской земли, не поганила наше отечество. Разобравшись с гнилой молодежью, троица повторяла в порыве великой любви:

- Подражайте Сан Санычу Бибикову.

Хотя, подкажу по большому секрету, усиленная трудовая муштра в совокупности с правильной идеологией и уклоном в сторону спорта не приносили Сан Санычу полных бадеек с металлом, он не расстраивался:

- Правильно жить не запретишь.

Он не роптал на судьбу, не корчил постные рожи:

- Главное величие родины.

Разве что горечь вскипала в груди при лицезрении княжеской гордой фамилии в самом конце премиального списка. То есть после почти бесконечных рядов из ветеранов и сплетников. За что, е-мое? Или хреново работал, дружок? Или опять наущение дьявола и недостаточно в данном вопросе подкован?

Какая-та нехорошая, некомсомольская горечь. Да и вскипала она не надолго, оставляя не самый лучший осадок:

- Молод еще...

Бибилов чувствовал слабину над которой придется работать.

Но не спешите, товарищи. Молодость наша не слишком съедобный предмет, называть ее превосходными степенями не хочется даже в период застолья. Мы не так чтобы не уважаем молодость среди прочих возрастных категорий, но в некоторой степени сомневаемся, а по сему не хочется выглядеть глупо.

- Будь как все.

Отсюда первая истина. «Лучшее» не испортит «хорошее», как бы не распинались на данную тему всякие философствующие ублюдки. По крайней мере, лучшее качество не испортит хорошую молодость. Никто не сомневается, молодость у нас хорошая, но для развития коммунизма необходим иной уровень, то самое «лучшее».

- Развивайся.

Отсюда вторая истина. Кто поверит в развитие без дубины и плетки. Молодость не способна подняться на новый уровень, если ее хорошо не ужучить, даже если «хорошая» молодость. Ибо опуститься такая чертовка способна. Чуть замешкался, чуть отпустил вожжи, вот тебе опущение вместо поднятия, в крутом дерьме твоя молодость.

- Дубина и плетка.

Может оно не так называется, но смысл тот же. Многие истины (пятые, двадцать седьмые, двести тридцатые) превращаются в пыль перед этой последней истиной, на которой будет стоять молодость. Та самая развивающаяся молодость, праведная и полезная всякому обществу. Я не уточняю про общество коммунистов и их прихлебателей. Всякому обществу необходимы дубина и плетка.

И вот почему. Русский человек ленив, особенно молодой человек. Русский человек заносчив, особенно среди молодежи.

Русский человек научился оценивать ситуацию правильно, но научился оценивать ее в свою сторону. Отсюда обиженные энд оскорбленные индивидуумы в первую очередь среди старичков. Зачем других обижать? Были когда-то и мы долбаками! Теперь вышли из детского возраста, то есть оттяпали нечто такое, на что не имеет прав молодость.

Поэтому лучший совет:

Наслаждайся сладко

Каплями стекая,

Дорогим осадком

Пропитого чая.

Эфемерной кучи

И слащавой дряни

Не касайся лучше

В этаким дурмане.

Погнавшись за непривычными для тебя привилегиями, не трудно закончить свой путь далеко от щедрот коммунизма.

Тут я не порицаю Сан Саныча Бибикова. Классический случай, классический советский интеллигент. Много, чертовски много хорошего, даже лучшего, но не совсем в идеале. Есть червоточинка, видит бог, есть. Невозможен советский интеллигент без зацепки. Иначе получится не интеллигент, получится некое скользкое существо, что на коне не объедешь, что за пупок не ухватишь.

Исходя из всего сказанного, стоит понять Бибикова. Я соглашаюсь, понять и простить. Ты закопался в бумагах, это болезнь. Спокойное бумагомарательство сродни очень тихому помешательству. Ты не буйствуешь, не бросаешься карандашами, не разрываешь на части резинки, не перепиливаешь стол лезвием, не втыкаешь в стул ножницы. А еще на попе мозоли растут. Короче, самая обыкновенная ситуация и признак профессиональной болезни без обострения.

Вот у твоего начальника обострение. Почему-то при виде тебя он втыкает в стул ножницы, перепиливает стол лезвием,

рвет на части резинки, карандаши веером. Его болезнь гораздо старше твоей. Отсюда более обостренные симптомы и разговор на повышенных тонах, доходящих до визга.

Нет, ты ни в коей степени раздражаешь начальство. Твое дело маленькое. Бибиков знает, насколько оно маленькое, чтобы из маленького дельца, из небоеспособной трухи выкраивать нечто великое. Но начальник не знает. Можно сказать, только выздоровел, только успокоился после предыдущей болезни, как вызывают начальника к еще большему начальнику, и тот еще больший начальник имеет начальника трижды три прямо в зад за твои беды:

- Мне вчера доложили...

Опять ничего особенного. Самое что ни на есть армейское доносительство по инстанции. Опять же для твоего блага. Ты никого не убил, ты не предавал родину, ты не продался шестеркам врага. Но понимаете ли... Вот-вот, понимаем. Что полагается Ольге Николаевне за доблестный труд, то Сан Санычу не совсем полагается. Только не юродствуйте, пожалуйста, что Ольга Николаевна каждые десять минут попивает чаек с сахарком, а Сан Саныч единственный раз раскрутил кипятильник. Знаем мы про единственный раз! Ольга Николаевна сгубила здоровье на благо отечества, за что попивает чаек. И пускай не кривит очкастую рожу Сан Саныч.

- Пора разобраться...

Снова субординация. Если бы большому начальнику разобратся с товарищем Бибиковым не потревожив просто начальника... А не слишком ли наглое «если бы»? Для того существуют начальники, чтобы их потревожили в обход всяких Бибиковых. Дело не настолько смертельное, как вы понимаете, зато субординация соблюдена. И не имеет значения, что во главе угла стакан чая.

Идем дальше. Ничего плохого не сделал Бибиков. Бибикову просто не повезло, как иногда не везет лучшим из лучших товарищей. Зависть, маразм, заложили поганки и гады. Самое

время себе подыскать оправдание. Но нельзя абы как прийти на ковер и оправдываться. Для этого, прежде всего, нужна подготовка. Как вы опять понимаете, лишний стаканчик не помешает. Стаканчик опять же вода. Вот и выскочил в туалет Бибиков.

Нет, ничего страшного. Сколько раз я устал повторять, нет, и не было ничего. Система у нас справедливая, государство у нас справедливое, начальники сама справедливость. Если чего не по правилам, сам виноват. Недоглядел, недослушал, забыл. В любом варианте не достают подчиненных начальники, потому что они справедливые.

Значит, не повезло Бибикову. Выскочил в туалет, наполнил стакан, в стакане дурацкая ложка. Я тебе говорю, оставь ложку! Что еще за предрассудок такой, тренькать чай с ложкой? Ах, утверждаете, по русскому обычаю тренькать чай с ложкой? А не пойти ли вам далеко? Вот девчонке своей засунь ложку! На работе не может быть никаких устаревших обычаев, тем более националистического свойства для русских товарищей. Выскочил в туалет, нацедил, и обратно. Тут еще звякнула ложка.

- Извините, простите, - Бибиков уперся в брюхо начальника.

Надо же засыха какой. Не добраться до генеральского туалета, обязательно нужен общественный туалет. Ты офицер, твою мать, твое место среди офицеров, береги это место. Не стоит спускаться на землю в общественный туалет, где инженеры, где более мелкая сволочь. Может быть, сложно подняться на два этажа, но все равно береги свое место.

- Опять извините, - воистину надоед Бибиков.

То же мне активист, комсомолец, спортсмен. Не справиться с крохотной ложкой в стакане. Как же ты будешь работать в огромной стране, на ее бесконечных просторах, в ее бесконечных проблемах? Или надеешься, что не будешь работать? Слава богу, подобная мысль миновала тебя. Есть еще шанс, может слабый и очень ничтожный, что будешь работать.

- Зайдите в мой кабинет!

Тонкая струйка воды попала на брюки начальника.